

Я тоже была однажды человеком.
Меня звали Сабина Шпильрейн.

Сабина Шпильрейн

В любом моем воспоминании
О тебе ты голая.

Александр Бренер

Чудовище

Я так цвету. Мне — все равно.

Анна Горенко

Еще до того как это стало мейнстримом, я резала себя почти каждый день. Потом сдавала в антикварную лавку что-нибудь из коллекции дедушки-академика и шла в ресторан. Есть котлеты в грибном соусе.

Я ничего не умела тогда сама, даже процесс поглощения пищи стоил мне огромного труда. Я смотрела на других посетителей и очень хотела любви. Я ждала ее от всех.

Молния на сапогах у меня была сломана, и я прятала ноги под стол. Я была готова на все ради полутора часов среди людей, которых можно было охарактеризовать словом «нормальные».

Чем чудовища отличаются от нормальных людей?

Ну, например, они в состоянии закончить школу и не продавать все, что можно и нельзя, из дома, большинство из них не знает тайных правил посещения ломбарда. Я же знаю о них все. С восемнадцати лет. Итак, когда говоришь с сотрудницей ломбарда, главное, чтобы уверенность сочеталась с жалостливостью, интонация должна быть пронзительная и твердая одновременно. Почти всегда, если экземпляр перед вами не совсем твердо-

Люба Макаревская

каменный, это дает пусть и небольшой, но все же плюс к сумме. В антикварных лавках сложнее: их владельцы отдают уже свое, но принцип тот же.

Каждый день запасы антиквариата стремительно таяли вместе с участками здоровой кожи на моих руках. Впервые я начала резать себя в двадцать лет. Что я пыталась утвердить в себе или, наоборот, прекратить этим коротким диалогом с осколками стекла, я не могу с уверенностью сказать до сих пор.

Сентябрь. Квартира расплзается на свет и тень, за окном плывет голубоватая Тверская, я прихожу из школы, над пианино висит еще не проданный Борисов-Мусатов. Я наливаю шоколадный сироп в молоко и включаю сериал «Любовь и тайны Сансет Бич». Потом я тайком курю, затем ложусь на папину кровать, хотя она больше не его, ведь он давно умер, оставил меня одну среди чужаков, и теперь это просто диван в гостиной, и трогаю себя; мне очень страшно оттого, что зыбкая новая дрожь, появляющаяся внутри моего тела, полностью уничтожает меня. Мне одиннадцать лет, я одна дома, я одна во Вселенной.

Потом я меряю мамины лифчики, моя комната светлая и пустая, и длинный коридор расплзается на свет и тень, на дорогу к бывшей комнате отца и обратно, к себе, и есть только этот путь в полутьме после школы, и зеркало во весь рост, в которое я могу смотреть на себя — полуновую, неизвестную, страшную и красивую.

За девять лет почти ничего не изменилось, только Мусатов исчез навсегда. Осталось фантомное со-

Третья стадия

стояние, когда кажется, что некая вещь присутствует в доме, но ее там нет.

Каких ответов от Вселенной я тогда искала у осколков стекла, робко завернутого в кусок случайной ткани? Были ли это только ответы на вопросы о собственной прочности, так свойственные юности, или все же что-то большее: попытка присвоения своего тела или желание остановить нечто неотвратимое в себе?

Или попытка примириться с самой собой, или все же проще и вернее — удовольствие, похожее на сексуальное, и еще желание наказать себя за все, что я чувствовала.

Еще пять лет назад я была типичным тяжелым подростком, отовсюду изгнанным, я так и не смогла закончить одиннадцать классов, но это меня почти не волновало. Ничто не мучило меня так и не оставляло во мне такого тяжелого чувства неполноценности, как собственная девственность. Мне казалось, что я не имею права существовать, если со мной никто не спит. Если я не вхожу в зону чьей-либо необходимости, то, значит, меня нет. Так я тогда чувствовала это. Вероятно, я опознавала себя через это совершенное отрицание, как и в момент, когда я, глубоко пьяная, рассекла кожу над коленом так глубоко, что увидела между кусками собственной рассеченной кожи сухожилия, еще чуть-чуть, и показалась бы кость, и у меня резко потемнело в глазах, как за секунду до настоящего удовольствия, до той темноты, в которой ты исчезаешь, перестаешь быть, становишься равной этой темноте, до взрыва, до возникновения Вселенной — до всего.

Люба Макаревская

Я была влюблена в человека, который был абсолютно равнодушен ко мне. Возможно, причиной этой любви было то, что он стал моим первым другом после того, как я заболела.

Я очень боялась жизни оттого, что я ничем не была занята, у меня еще и было время на этот страх и я растворялась в нем.

Было уже почти полгода, как я наносила себе повреждения, и все же что-то тонкое еще удерживало мое сознание от срыва до конца января, до момента, когда почти каждую ночь мне стала сниться кровь и я перестала узнавать свои мысли. Я не находила места себе прежней среди их потока. Каждый день я проводила в борьбе с навязчивыми состояниями, и из них не было никакого выхода. Дорога от спальни до ванной и туалета и затем до кухни была для меня целым испытанием, и я не могла решиться на него без семи таблеток диазепама. Коридор вытягивался перед моими глазами, словно бесконечный тоннель, населенный чудовищами, но я боялась не этих чудовищ, а всей той темноты, что мучила меня, и я двигалась, прижимаясь к стене, опасаясь возникновения видений, которых, впрочем, у меня никогда не было, и моя координация была нарушена именно из-за таблеток.

Я была одна в мире тогда, как бываешь одна в кабинете у стоматолога или первого гинеколога. Несмотря на то что об этом заботилась мама, как, возможно, больше не смог бы заботиться ни один человек, и это отнимало у нее все силы. И таблетки, что я принимала в неправильных дозах, выписала мне одна из лучших врачей, что я знала, но ничто

Третья стадия

мне не помогало: темнота всякий раз наваливалась на меня в течение этой зыбкой дороги и я все больше и глубже проваливалась в нее.

Что такое полная деперсонализация? Вы мечетесь внутри себя, как в запертой снаружи комнате, при этом вы плохо осознаете, что находитесь в своем теле. Вы не узнаете свое отражение в гладких поверхностях вроде зеркал. А потом вдруг в ванной, в воде вы видите чью-то руку или грудь и вдруг с удивлением понимаете, что эта грудь, или сосок, или пальцы, или ноги — ваши. И затем снова — вы то темнота, то ее воронка, то свет, то серийный убийца из сюжета новостей, то просто один сплошной густой мрак, о котором вы знаете, что он суть всех вещей, и никуда не можете убежать от этого знания, от того, что вот оно, это знание, и есть вы.

Некое сверхусилие, которое я тогда прикладывала для поддержания жизни, всех ее процессов, постоянно не оправдывало себя.

Я пробовала рисовать, как мой отец, все картины которого я продала по дешевке, когда не было денег, даже не ощутив чувства вины и вкуса предательства до конца. Возможно, голод тогда заглушил их.

Странно, все мои картины были скучными, потому что на самом деле мне всегда нравилось только писать, но благодаря им я и познакомилась с Игорем. Он работал в баре, в котором я пыталась организовать выставку своих работ. Я была для Игоря тихой и скучной, как я теперь понимаю. Он приехал

Люба Макаревская

из Пскова и не поступил во ВГИК, работал барменом, ночами он тусовался на рейвах в «Арме». Я смотрела на него как на полубога и была счастлива, когда он просто разговаривал со мной.

Ощущение жизни и того, что есть, уже тогда стало приходиться ко мне через другого. Хотя я, скорее, всегда стремилась отсутствовать. Я мечтала, что однажды он позовет меня к себе и избавит от моего изъяна. Конечно же, этого не происходило, он встречался с самыми разными девушками, и все они, как одна, были более веселыми, легкими и ловкими, чем я. Я же тихо продолжала лететь в темноту. Обрывала карнизы в квартире, не в силах справиться с собственной болью, с неврозом адаптации и с чем-то темным, методично пожирающим меня изнутри. Меня постоянно преследовало желание вскрыть вены в общественном туалете, как только действие снотворных заканчивалось, это желание становилось почти нестерпимым наравне со сладким привкусом барбитуратов. Мне хотелось умереть в луже крови, чтобы все наконец увидели, насколько мне больно. В один из дней я вынесла все стекло из дома, включая посуду, на помойку, потому что я боялась изрезать себя всю, даже лицо.

В те дни, не имея денег на своего привычного врача, я в ужасе спросила районного психиатра, как он думает, шизофрения ли у меня, и он ответил мне с плохо скрываемой брезгливостью:

— Скорее всего, да.

Тогда же за мной ухаживал очень милый парень, почти каждый день звонил и интересовался моим состоянием, он часто говорил мне:

Третья стадия

— Ты разрушаешь свою жизнь.

И я с какой-то неуместной торжественной гордостью отвечала ему:

— Я знаю.

Даже сейчас, вспоминая его, я понимаю, что он был очень хорошим. Конечно, я бегала от него как черт от ладана. Внутри себя с маниакальной убежденностью я решила хранить верность своей любви к Игорю.

Или просто перспектива счастья и относительного благополучия страшила меня больше, чем некоторых людей страшит онкология, и, главное, нечто болезненное внутри меня, всегда определяющее мой выбор, не откликалось на него.

Несколько месяцев спустя я выбрала самого подонистого типа из всех возможных, увидев которого я подумала, что он хочет убить себя.

Именно он стал моим первым любовником. Если представить себе район Китай-города как круг, то он жил внутри этого круга точно напротив дома на Маросейке, где снимал комнату в еще более разрушенном и старом доме тот самый Игорь.

И эта закольцованность всегда представлялась мне чем-то страшно травмирующим и трудно переносимым. Чем-то, что я никогда не смогу преодолеть до конца.

Я помню голубую комнату на Солянке и лепнину в ней.

Я подумала тогда, что в этой комнате в дореволюционном доме обязательно должен был кто-то умереть.

Люба Макаревская

И в каком-то смысле я оказалась права: в ней умерла я прежняя.

Утро показалось мне самым розовым из всех, что я видела, и еще чувство стертой пленки, хотя, возможно, эта пленка существовала только в моем воображении.

И нестерпимый зуд, заполняющий все внутри меня. Как будто я вся превратилась в отверстие, в свежую рану. Уже ничего не волновало меня, кроме этого короткого и болезненного чувства наполненности, которое я испытала с ним тогда, в первую ночь.

Позже он стал грубым, точно в ответ на мою тягу к саморазрушению. И он оказался опаснее стекла.

И во второй раз он что-то навсегда повредил в моей психике с моего же молчаливого согласия.

Он развернул меня, как пластмассовую куклу, было ли это тем, чего я ждала, облученная неправильной литературой и другими излишествами? Мой взгляд упал на белую известь стены, и боль разделила меня на две части.

Потом я смотрела в окно на голубую пустоту, всегда сизая и голубая Солянка и всегда очень далекая розовая призрачная Маросейка. Мне казалось, что я только кусок мяса для него. И я снова стала исчезать, но мне больше не хотелось резать себя, потому что ему удалось так глубоко повредить и сломать меня, что я перестала нуждаться в дополнительных травмах. Униженное другим, мое тело вдруг стало моим в действительном смысле. Я постоянно ощущала теперь его то как грязь, то как

Третья стадия

непрекращающийся зуд внутри мягких тканей, зуд, стирающий меня целиком.

Следующие дни я провела между душем и собственной постелью. Он стал мне противен после той ночи, и я сама себе тоже стала отвратительна – собственная кожа, рот, вся я от начала до самого конца. И при этом я продолжала хотеть его, и от этого я чувствовала еще большее бессилие перед самой собой и жизнью. Чуть более новое и страшное бессилие.

Еще несколько раз мы занимались сексом, чаще всего под теми или иными наркотическими веществами. И с каждым разом я все больше и больше ненавидела его и себя. И не видела никакого выхода из того, что происходило, как будто я стала заложницей своего тела и больше не управляла им.

В один из вечеров после разговора с ним, когда он сказал мне, что я хорошая и скромная, я попыталась покончить с собой. Отчего-то я не могла вынести именно то, что он назвал меня скромной. Я бы вынесла любую пытку, но только не это определение «скромная».

Оно возвращало меня к клейму, которое я ненавидела с детства, к тому, что я хорошая девочка из интеллигентной семьи, и я не могла перенести того, что человек, сделавший со мной все, что сделал он, еще и считает меня скромной. Я подумала тогда, что лучше бы он разбил мне лицо: это было бы не так унижительно для меня.

Я помню подростков из Подмосковья, где я гостила у бабушки и тайком сбегала с ними пить пиво. Они пили и пиво, и водку, и я отчетливо помнила,

Люба Макаревская

как одна из тех четырнадцатилетних девочек рассказала мне о том, как она потеряла девственность.

Ее рассказ был ужасным и темным. Безрадостным и беспросветным, словно проволока вокруг прогулочного двора тюрьмы, но мне все равно казалось, что в каждом ее слове больше жизни, чем во мне.

И тогда она тоже назвала меня скромной, и вот опять это слово.

Не вспомнить точно, сколько таблеток я выпила, чудом меня не забрали в психушку, а только прочистили желудок.

И утром, когда я проснулась, я поняла, что зуд внутри меня наконец смолк. Я больше не хотела его. Мне перестало казаться, что мое влагалище кто-то изнутри расчесывает и щекочет. Ко мне вернулась способность есть и жевать. Я уже могла не думать о проникновении в себя каждую секунду, о чувстве, которое тогда казалось мне единственно действенным способом связи с реальностью.

Мы виделись с ним еще один только раз. И я знала, что это последний раз, а он нет.

Мы ласкали друг друга абсолютно обнаженные в лучах дневного солнца, одно только мгновение мне еще хотелось плакать и течь на его руку, стать морем и водой, исчезнуть.

Потом я долго рассматривала его член, и мне больше не хотелось, чтобы он был внутри меня.

Я выздоровела.

Остаток того лета я провела, прячась от мира и людей.

Я возвращалась в себя. Очень медленно. Не было уже ничего — ни приступов желания, ни де-

Третья стадия

персонализации, ни аутоагрессии. Только пустота и я новая в ней, как в раме, мне казалось, что я отхожу от наркоза.

Выхожу из него как из омута.

В сентябре я стала снова общаться с Игорем и почему-то по-детски опять стала верить в то, что между нами что-то еще случится. Я помню вечер в конце октября, когда он сказал мне, что уезжает на полгода в Азию с другой девушкой.

Я заплакала. Я плакала и не могла остановить слезы, они не кончались, точно впервые после лета ко мне вернулась способность чувствовать что-либо.

Я попросила его:

— Обними меня, пожалуйста.

Он ответил:

— Я не готов.

Я отошла от него, наконец все резко осознав до конца. Была вечеринка, и из всех динамиков лилась «Dancing Queen» ABBA:

You can dance,
You can jive,
Having the time of your life.
See that girl,
Watch that scene,
Dig in the Dancing Queen.

Я опустила глаза и увидела следы порезов на своих руках. Я успела подумать, что с человеком всегда остается то, что есть он сам.

Музыка набрала новый оборот:

Люба Макаревская

You are the Dancing Queen,
Young and sweet,
Only seventeen,
Feel the beat from the tambourine.
You can dance...

И тогда я почувствовала, что юность закончилась навсегда.

Он

Одна война зимы.

Анна Горенко

В тот вечер, прозрачный и зимний, он купил мне банку светлого пива.

Как будто мы были парой подростков и не мое постоянное влечение к саморазрушению притягивало меня к нему. Однако меньше всего общего было у меня и у него — у людей, которые не до конца повзрослели или бегут от чего-либо общепринятого, — с подростками. В нашем беге не было ни грамма беспечности, только мрачная сосредоточенность. Его и моя сосредоточенность в желании исчезнуть с помощью друг друга и невротический страх, что эта попытка может не удалиться.

Я помню, как голос несколько раз пропадал то у него, то у меня, хотя уже тогда он прекрасно знал все, что я хочу услышать, и сказал мне, открывая дверь, глядя в мои глаза:

— Разве сейчас ты не знаешь, что умрешь?

И уже в квартире он долго извинялся за беспорядок, словно это могло быть важно.